

*Есть два способа смотреть на жизнь:
так, словно на свете не может быть никакого чуда,
или так, словно все на свете – сплошное чудо.*

Альберт Эйнштейн

– Ну и как ты меня находишь?

– Повернись-ка, дай я на тебя гляну еще разок сзади.

– Стенли, ты уже целых полчаса пялишься на меня со всех сторон, у меня больше сил нет торчать на этом подиуме!

– Я бы укоротил: прятать такие ноги, как у тебя, – это просто кощунство!

– Стенли!

– Ты же хотела услышать мое мнение, так? Ну-ка повернись еще разок ко мне лицом! Ага, так я и думал: вырез, что спереди, что сзади, совершенно одинаковый; по крайней мере, если и посадишь пятно, возьмешь да перевернешь платье, и никто ничего не заметит!

– Стенли!!!

– И вообще, что это за выдумки – покупать свадебное платье на распродаже, у-у-ужас! Тогда почему бы не через интернет?! Ты хотела знать мое мнение – ты его услышала.

— Ну прости, я не могу позволить себе ничего лучшего при моей зарплате компьютерного графика.

— Художницы, принцесса ты моя, не графика, а художницы! Господи, как я ненавижу этот машинный жаргон двадцать первого века!

— Что делать, Стенли, я ведь работаю и на компьютере, и фломастерами!

— Моя лучшая подруга рисует, а потом оживляет своих прелестных зверюшек, так что запомни: с компьютером или без, ты художница, а никакой не компьютерный график; и вообще, что за дела — тебе обязательно нужно спорить по каждому поводу?

— Так мы укорачиваем или оставляем как есть?

— На пять сантиметров, не меньше! И потом, необходимо убрать в плечах и сузить в талии.

— В общем, мне все ясно: ты возненавидел это платье.

— Я этого не говорю!

— Не говоришь, но думаешь.

— Умоляю тебя, разреши мне взять часть расходов на себя, и давай заглянем к Анне Майер! Ну послушай меня хоть раз в жизни!

— Зачем? Чтобы купить платье за десять тысяч долларов? Да ты просто рехнулся! Можно подумать, у тебя есть такие деньги, и вообще — это всего-навсего свадьба, Стенли.

— *Твоя* свадьба.

— Я знаю, — вздохнула Джулия.

— И твой отец, при его-то богатстве, вполне мог бы...

— Последний раз я мельком видела отца, когда стояла у светофора, а он проехал мимо меня по Пятой авеню... и было это полгода тому назад. Так что давай закроем эту тему!

И Джулия, пожав плечами, спустилась с возвышения. Стенли взял ее за руку и обнял.

— Дорогая моя, тебе пошло бы любое платье на свете, я просто хочу, чтобы оно было безупречно. Почему бы не предложить твоему будущему мужу подарить его тебе?

— Потому что родители Адама и без того оплачивают свадебную церемонию, и я чувствовала бы себя намного лучше, если б в его семье прекратились разговоры о том, что он женится на Золушке.

Стенли танцующей походкой пересек торговый зал. Продавцы и продавщицы, увлеченно болтавшие у прилавка рядом с кассой, не обращали на него никакого внимания. Он снял с вешалки у витрины узкое белое атласное платье и вернулся обратно.

— Ну-ка примерь вот это, только не вздумай возражать!

— Стенли, это же тридцать шестой размер, я в него никогда не влезу!

— Делай что тебе говорят!

Джулия закатила глаза и покорно направилась к примерочной, куда указал ей Стенли.

— Стенли, это тридцать шестой размер! — повторила она, скрываясь в кабинке.

Несколько минут спустя занавеску открыли — рывком, так же решительно, как только что задержали.

— Ну вот, наконец-то я вижу нечто похожее на свадебное платье Джулии! — воскликнул Стенли. — Пройдись-ка еще разок по подиуму.

— А у тебя не найдется лебедки, чтобы затащить меня туда? Стоит мне поднять ногу...

— Оно тебе чудо как идет!

— Возможно, но если я проглочу хоть одно печенье, оно лопнет по швам.

— Невесте не подобает есть в день свадьбы! Ничего, чуточку распустим вытачку на груди, и ты будешь смотреться как королева!.. Слушай, нас когда-нибудь удостоит вниманием хотя бы один продавец в этом чертовом магазине?

— По-моему, это я сейчас должна нервничать, а не ты!

— Я не нервничаю, я просто поражаюсь, что за четыре дня до свадебной церемонии именно я должен таскать тебя по магазинам, чтобы купить платье!

— У меня в последнее время работы было по горло! И пожалуйста, не проговорись Адаму о сегодняшнем дне, я ему еще месяц назад поклялась, что все готово.

Стенли взял подушечку с булавками, оставленную кем-то на подлокотнике кресла, и опустился на колени перед Джулией.

— Твой будущий муж не понимает, как ему повезло: ты просто чудо.

— Хватит придирааться к Адаму. И вообще, в чем ты его упрекаешь?

— В том, что он похож на твоего отца...

— Не болтай глупостей. У Адама нет ничего общего с моим отцом; кроме того, он его терпеть не может.

— Адам—твоего отца? Браво, это очко в его пользу!

— Да нет же, это мой отец ненавидит Адама.

— О, твой родитель ненавидит все, что к тебе приближается. Если бы у тебя была собака, он бы ее искусал.

— А вот и нет: если бы у меня была собака, она бы сама искусила моего отца, — рассмеялась Джулия.

— А я говорю, что твой отец искусал бы собаку!

Стенли поднялся и отступил на несколько шагов, любуясь своей работой. Покачав головой, он испустил тяжкий вздох.

— Ну что еще? — насторожилась Джулия.

— Оно безусловно... или нет, это ты безусловно! Дай-ка я прилажу тебе пояс, а потом можешь вести меня обедать.

— В любой ресторан на твой выбор, Стенли, милый!

— Солнце так жарит, что мне подойдет ближайшая терраса кафе — при условии, что она будет в тени и что ты перестанешь дрыгаться, иначе я никогда не закончу с этим платьем... почти безусловно.

— Почему почти?

— Потому что оно продается с уценкой, моя дорогая!

Проходившая мимо продавщица спросила, не нужна ли им помощь. Величественным взмахом руки Стенли отверг ее предложение.

— Ты думаешь, он придет?

— Кто? — спросила Джулия.

— Твой отец, дурочка!

— Кончай говорить о моем отце. Я же тебе сказала, что уже много месяцев ничего о нем не слышала.

— Ну, это еще ничего не значит...

— Он не придет!

— А ты ему давала знать о себе?

— Слушай, я давным-давно отказалась посвящать в свою жизнь личного секретаря отца, потому что папа то в отъезде, то на совещании, и ему некогда лично побеседовать со своей дочерью.

— Но хоть извещение о свадьбе ты ему послала?

— Ты скоро закончишь?

— Сейчас, сейчас! Вы с ним похожи на старую супружескую чету: он ревнует. Впрочем, все отцы ревнуют своих дочерей! Ничего, это у него пройдет.

— Смотри-ка, я впервые слышу, что ты его защищаешь. Если уж мы и похожи на старую супружескую чету, то на такую, которая развелась много лет назад.

В сумке Джулии зазвучала мелодия “I Will Survive”¹. Стенли вопросительно взглянул на свою подругу:

— Дать тебе мобильник?

— Это наверняка Адам или из студии...

— Только не двигайся, а то испортишь всю мою работу. Сейчас я его принесу.

Стенли запустил руку в бездонную сумку Джулии, извлек из нее мобильник и вручил хозяйке. Глория Гейнор тотчас смолкла.

— Слишком поздно, уже отключились, — шепнула Джулия, взглянув на обозначившийся номер.

— Так кто это — Адам или с работы?

— Ни то ни другое, — угрюмо ответила Джулия.

Стенли пытливо посмотрел на нее:

— Ну что, будем играть в угадайку?

— Звонили из офиса отца.

— Так перезвони ему!

— Ну уж нет! Пусть звонит сам.

— Но он только что именно это и сделал, не так ли?

— Нет, это сделал его секретарь, я же знаю его номер.

— Слушай, ты ведь ждешь этого звонка с той самой минуты, как опустила в почтовый ящик извещение о свадьбе, так брось эти детские обиды. За четыре дня до вступления в брак не рекомендуется впадать в стресс, иначе у тебя вскочит огромная

¹ “Я буду жить” (англ.).

болячка на губе или багровый фурункул на шее. Если ты этого не хочешь, сейчас же набери его номер.

— Чего ради? Чтобы Уоллес сообщил мне, что мой отец искренне огорчен, поскольку именно в этот день должен уехать за границу и, увы, не сможет отменить поездку, запланированную много месяцев назад? Или, например, что у него akurat на этот день намечено дело чрезвычайной важности? Или придумает еще бог знает какое объяснение.

— А вдруг твой отец скажет, что будет счастлив прийти на бракосочетание дочери и звонил, просто желая удостовериться, что она усадит его на почетное место за свадебным столом?

— Моему отцу плевать на почет; если он и явится, то выберет место поближе к раздевалке — конечно, при условии, что рядом будет достаточно смазливая молодая женщина.

— Ладно, Джулия, забудь о своей ненависти и позвони... А впрочем, делай как знаешь, только предупреждаю: вместо того чтобы наслаждаться свадебной церемонией, ты все глаза проглядишь, высматривая, пришел он или нет.

— Вот и хорошо, это отвлечет меня от мыслей о закусках, ведь я не смогу проглотить ни крошки, иначе платье, что ты мне выбрал, лопнет по швам.

— Ну, милочка, ты меня достала! — едко сказал Стенли и направился к выходу. — Давай пообедаем как-нибудь в другой раз, когда ты будешь в более подходящем настроении.

Джулия оступилась и чуть не упала, второпях спускаясь с подиума. Она догнала Стенли и крепко обняла:

— Ну прости, Стенли, я не хотела тебя обижать, просто я очень расстроена.

— Чем — звонком от отца или платьем, которое я так неудачно выбрал и подогнал по тебе? Кстати, обрати внимание: ни один шов не лопнул, когда ты так неуклюже спускалась с подиума.

— Твое платье великолепно, а ты — мой лучший друг, и без тебя я никогда в жизни не решилась бы пойти к алтарю.

Стенли внимательно посмотрел на Джулию, вынул из кармана шелковый платок и вытер ее мокрые глаза.

— Ты действительно хочешь прошестьвовать к алтарю под ручку с ненормальным приятелем или, может, у тебя родился коварный замысел — заставить меня изображать твоего сволочного папеньку?

— Не обольщайся, у тебя недостаточно морщин, чтобы выглядеть в этой роли правдоподобно.

— Балда, это же я тебе делаю комплимент, намекаю, как ты еще молода.

— Стенли, я хочу, чтобы к моему жениху подвел меня именно ты! Ты, и никто другой!

Он улыбнулся и мягко сказал, указывая на мобильник:

— Позвони отцу! А я пойду и дам кое-какие распоряжения этой идиотке-продавщице, — она, по-моему, знать не знает, как обращаться с клиен-

тами; растолкую ей, что платье должно быть готово послезавтра, а потом мы наконец пойдем обедать. Давай, Джулия, звони скорей, я умираю с голоду!

Стенли развернулся и направился к кассе. По дороге он украдкой взглянул на Джулию и увидел, что она, поколебавшись, все же набирает номер. Он воспользовался моментом и незаметно вынул собственную чековую книжку, рассчитался за платье, за подгонку и приплатил за срочность: оно должно быть готово через два дня. Сунув квитанции в карман, он вернулся к Джулии, как раз когда она выключила мобильник.

— Ну что, придет? — нетерпеливо спросил он.

Джулия покачала головой.

— И какой же предлог он выставил на сей раз в свое оправдание?

Джулия глубоко вздохнула и пристально взглянула на Стенли:

— Он умер!

С минуту друзья молча смотрели друг на друга.

— Н-да, предлог, должен сказать, безупречный, не подкопаешься! — наконец пробормотал Стенли.

— Слушай, ты что, совсем сдурел?

— Извини, так просто вырвалось... сам не знаю, что на меня нашло. Я тебе очень сочувствую, дорогая.

— А я ничего не ощущаю, Стенли, ровно ничего — ни малейшей боли в сердце, даже поплакать не хочется.

— Не беспокойся, все придет потом, до тебя пока еще не дошло по-настоящему.

М. ЛЕВИ ★ Те слова, что мы не сказали друг другу

— О нет, дошло.

— Может, позвонишь Адаму?

— Только не сейчас, попозже.

Стенли обеспокоенно взглянул на свою подругу:

— Ты не хочешь сообщить жениху, что твой отец сегодня умер?

— Он умер вчера вечером в Париже; тело доставят самолетом, похороны через четыре дня, — еле слышно сказала Джулия.

Стенли быстро подсчитал, загибая пальцы.

— То есть в эту субботу! — воскликнул он, вытаращив глаза.

— Вот именно, как раз в день моей свадьбы, — прошептала Джулия.

Стенли тотчас направился к кассе, аннулировал покупку и вывел Джулию на улицу.

— Давай-ка я приглашу тебя на обед!

Нью-Йорк был залит золотистым светом июньского дня. Друзья пересекли Девятую авеню и направились к “Пастису” — французскому ресторану с настоящей французской кухней в стремительно менявшемся квартале Meat Packing District¹. За последние годы старинные склады уступили место роскошным магазинам и бутикам ультрамодных кутюрье. Престижные отели и торговые центры вырастали тут как грибы. Бывшая заводская узкоколейка превратилась в зеленый бульвар, ко-

¹ Район мясных складов (англ.).

торый тянулся вплоть до Десятой улицы. Первый этаж старого завода, уже прекратившего свое существование, занимал рынок биопродуктов, на других этажах обосновались производственные компании и рекламные агентства, а на самом верху располагалась студия, где работала Джулия. Берега Гудзона, также благоустроенные, стали теперь длинной прогулочной зоной для велосипедистов, любителей бега трусцой и влюбленных безумцев, облюбовавших манхэттенские скамейки, — прямо как в фильмах Вуди Аллена. Уже с вечера четверга квартал заполняли обитатели соседнего Нью-Джерси, они переправлялись через реку, чтобы побродить по набережной и развлечься в многочисленных модных барах и ресторанах.

Когда друзья наконец устроились на открытой террасе “Пастиса”, Стенли заказал два капучино.

— Мне давно следовало бы позвонить Адаму, — виновато сказала Джулия.

— Если только для того, чтобы сообщить о смерти отца, то несомненно. Но если ты хочешь заодно сказать ему, что придется отложить свадьбу, что нужно предупредить священника, ресторатора, гостей, а главное, его родителей, тогда все это может немного подождать. Смотри, какая чудная погода, — пусть Адам поживет спокойно еще часок, прежде чем ты испортишь ему день. И потом, у тебя траур, а траур все извиняет, так воспользуйся этим!

— Как я ему скажу?..

М. ЛЕВИ ★ Те слова, что мы не сказали друг другу

— Дорогая моя, он должен понять, что довольно трудно и похоронить отца, и выйти замуж в один и тот же день; но даже если ты сама сочтешь это возможным, то скажу тебе сразу: другим эта мысль покажется совершенно недопустимой. Господи боже мой, и как это могло случиться?!

— Поверь, Стенли, господь бог тут совершенно ни при чем: эту дату выбрал мой отец — и только он один!

— Ну-у-у, я не думаю, что он решил умереть вчера вечером в Париже с единственной целью — помешать твоей свадьбе, хотя признаю, что он проявил вполне изысканный вкус, выбрав такое место для своей кончины!

— Ты его не знаешь, он способен на все, лишь бы заставить меня поплакать!

— Ладно, пей свой капучино, наслаждайся жарким солнышком, а потом будем звонить твоему будущему супругу!

Шасси “Боинга-747” компании “Air France” со скрежетом коснулись посадочной полосы аэропорта Кеннеди. Стоя у застекленной стены зала прилетов, Джулия смотрела на длинный гроб из красного дерева, плывущий по транспортеру вниз к катафалку. Офицер полиции аэропорта пришел за ней в зал ожидания. Джулия, секретарь ее отца, ее жених и ее лучший друг сели в мини-кар, который подвез их к самолету. Чиновник американской таможенной службы ждал ее у трапа, чтобы передать пакет, где были деловые бумаги, часы и паспорт покойного.

Джулия перелистала паспорт. Многочисленные визы красноречиво говорили о последних месяцах жизни Энтони Уолша: Санкт-Петербург, Берлин, Гонконг, Бомбей, Сайгон, Сидней... Сколько городов, где она никогда не бывала, сколько стран, которые ей так хотелось повидать вместе с ним!

Пока четверо мужчин суетились возле гроба, Джулия думала о далеких путешествиях отца в те годы, когда она, еще совсем девчонка-забияка, по любому поводу дралась на переменах в школьном дворе.

Сколько ночей провела она без сна, дожидаясь возвращения отца, сколько раз утром, по дороге в школу, прыгала по плиткам тротуара, играя в воображаемые классики и загадывая, что, если вот сейчас она не собьется, сегодня он уж наверняка придет. А иногда ее горячая ночная молитва и в самом деле сотворяла чудо: дверь спальни открывалась, и в яркой полосе света появлялась тень Энтони Уолша. Он садился у нее в ногах и клал на одеяло маленький сверточек — его следовало распечатать поутру. Этими подарками было озарено все детство Джулии: из каждого путешествия отец привозил дочери какую-нибудь забавную вещицу, которая хоть немного рассказывала ей о том, где он побывал. Кукла из Мексики, кисточка для туши из Китая, деревянная фигурка из Венгрии, браслет из Гватемалы — для девочки это были подлинные сокровища.

А потом у ее матери появились первые симптомы душевного расстройства. Джулия помнила, какое смятение охватило ее однажды в кино, на воскресном сеансе, когда мать в середине фильма вдруг спросила, зачем погасили свет. Ее разум катастрофически слабел, провалы в памяти, поначалу незначительные, становились все серьезней: она начала путать кухню с музыкальным салоном,